III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Бублик В. А., Семякин М. Н. Проблемы формирования идентичности российского гражданского права в контексте осмысления цивилистической культуры // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53. С. 602–623. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-53-602-623.

Bublik V. A., Semyakin M. N. Problemy formirovaniya identichnosti rossiyskogo grazhdanskogo prava v kontekste osmysleniya tsivilisticheskoy kul'tury [The Identity of Russian Civil Law in the Context of Conceptualizing the Civil Law Culture]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 53. Pp. 602–623. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-53-602-623.

УДК 347

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-53-602-623

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ
РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
В КОНТЕКСТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

В. А. БубликУральский государственный
юридический университет

E-mail: rektorat@usla.ru

М. Н. СемякинУральский государственный
юридический университет

E-mail: 9193705538@mail.ru

Поступила в редакцию 09.12.2020

Введение: актуальность исследования обусловлена тем, что проблемы идентичности российского гражданского права в контексте осмысления цивилистической правовой культуры оказались практически неисследованными. **Цель:** выявление критериев идентичности российского гражданского права, их востребованности, обоснование их использования в осмыслении цивилистической правовой культуры. **Методы:** многообразие исследовательских методологий, связанных с рассмотрением критериев идентичности социальных явлений как фактора осмысления национальной культуры; разнообразие подходов – философского, психологического, социологического, культурно-исторического. **Результаты:** по итогам мониторинга составленного авторами перечня критериев идентичности гражданского права, соотнесенных с теоретическим конструктом «цивилистическая культура», проведенного по поисковым запросам в социальных сетях, на платформах и в приложениях – ВКонтакте, Twitter, YouTube, получены данные, свидетельствующие о высокой востребованности у пользователей контента правового характера, правовой информации, эффективных практик осмысления цивилистической культуры. Обосновано, что интерес к цивилистическому культурному дискурсу связан с актуальной ситуацией повышения правовой жизнедеятельности людей, характеризующейся изменчивостью, интенсивным реформированием гражданского законодательства, предполагающим непрерывное обновление знания о законодательстве. **Выводы:** идентичность гражданского права представлена рядом аспектов, один из которых выступает как цивилистическая культура, имеющий образовательный потенциал, значимый в формировании правовой культуры личности, ее когнитивной и деятельностной составляющих.

Ключевые слова: гражданское право; идентичность; критерии; проблемы;
гражданская культура; тенденции; интернализация

THE IDENTITY OF RUSSIAN CIVIL LAW IN THE CONTEXT OF CONCEPTUALIZING THE CIVIL LAW CULTURE

V. A. Bublik

Ural State Law University
E-mail: rektorat@usla.ru

M. N. Semyakin

Ural State Law University
E-mail: 9193705538@mail.ru

Received 09.12.2020

Introduction: the problems related to the identity of Russian civil law as considered in connection with the legal culture of civil law are practically unexplored. The **purpose** of the study was to define the criteria characterizing the identity of Russian civil law and their relevance as well as to present arguments for their application in the conceptualization of the civil law culture. **Methods:** a variety of research methodologies associated with the consideration of the criteria characterizing the identity of social phenomena as a factor of the national culture conceptualization; a variety of approaches, including philosophical, psychological, sociological, cultural, and historical ones. **Results:** we have compiled a list of criteria characterizing the civil law identity and correlated with the theoretical concept of 'civil law culture', and conducted a monitoring of these criteria on the basis of search queries made in social networking services, platforms and applications such as VKontakte, Twitter, and YouTube. The monitoring results indicate high demand for legal content and information, effective practices of conceptualizing the civil law culture among the users. The interest in the content concerning the civil law culture is associated with the increasing legal consciousness of people, with the current situation characterized by variability and intensive reformation of civil legislation, which entails continuously updating knowledge about legislation. **Conclusions:** the identity of civil law is represented by a number of aspects, one of which is the civil law culture, possessing educational potential that is significant in the development of personal legal culture, its cognitive and practice-oriented constituents.

Keywords: civil law; identity; criteria; problems; civil culture; trends; internalization

Введение

В системе актуальных направлений развития современного гражданского права важное место занимают две противоположные и взаимосвязанные тенденции – экстернализация и интернализация, которые в целом можно определить как совокупность существенных, определенно направленных изменений и преобразований в его содержании, структуре, характере взаимодействия с иными нормативными образованиями, правовыми системами, их структурными элементами и т. д., что обусловлено как внутренними, так и внешними экономическими, хозяйственными, социально-культурными, политико-правовыми и иными связями, закономерностями, влиянием глобализационных процессов, а также современными общемировыми вызовами.

О тенденции интернализации как основной линии гражданского права говорил в начале XX в. известный цивилист, историк и философ права И. А. Покровский, который отмечал: «История гражданского права по преимуществу свидетельствует о единстве всемирно-исторического развития и неустранимой тенденции народов к взаимному общению на почве одинаковых правовых норм. Экономический оборот, составляющий основную материю гражданского права, не признает национальных границ и чем дальше, тем больше разливается по всему миру. Торговый обмен, кредит и т. д. подчиняются своим собственным законам, перед лицом которых... и под влиянием этих универсальных законов перестраиваются законы национальные. Универсализм – основная историческая линия гражданского права [24, с. 59].

Значительно ранее немецкий цивилист Р. Иеринг процессы взаимодействия и взаимовлияния в «мире духовном» выводил из законов «мира физического»: «Жизнь народов заключается не в изолированном сосуществовании; как и жизнь индивидов, она есть общение, система взаимных соприкосновений и воздействий враждебных и мирных, система обоюдных сообщений и заимствований, короче – охватывающий все стороны человеческого бытия обмен. Закон, который действует в мире физическом, действует и в мире духовном: жизнь есть заимствование извне и внутреннее усвоение; рецепция и ассимиляция суть две основные функции, на бытии и равновесии которых покоится существование и здоровье всякого живого организма. Препятствовать заимствованиям и осуждать организм на развитие «изнутри» – значит обрекать его на умирание...» [24, с. 58].

Одним из важных направлений современного осмысления российского гражданского права является исследование тенденции его внешних (интернациональных) связей с гражданским (торговым) правом зарубежных государств, поскольку, будучи составной частью российской правовой системы, оно существует не изолированно, а функционирует в тесной связи с другими национальными правовыми системами, испытывает на себе влияние последних и, в свою очередь, оказывает воздействие на них. Такая взаимная связь обусловлена различными обстоятельствами и, прежде всего, широкими экономическими отношениями российского государства, субъектов предпринимательства с зарубежными контрагентами.

1. Правовая основа интернализации российского гражданского права

Правовой основой интернализации связей российского гражданского права с национальными гражданско-правовыми системами зарубежных государств выступают нормы и принципы международного права, в том числе соответствующие положения международного частного права, а также то, что Россия является субъектом многих международных организаций, региональных экономических объединений, участницей двусторонних и многосторонних внешнеэкономических договоров. В соответствии с положениями статьи 7 Гражданско-

го кодекса РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы РФ. Причем международные договоры РФ применяются, по общему правилу, к соответствующим гражданским отношениям непосредственно и имеют преимущественное значение по отношению к правилам гражданского законодательства.

Ряд норм и институтов в российском гражданском праве сложился под воздействием международно-правовых актов. В частности, это относится к правовоположениям о переводном и простом векселях, появившимся в отечественном гражданском законодательстве в соответствии с Женевской конвенцией 1930 года. Немало норм (правил), появившихся в отечественном институте права внешнеэкономической деятельности, своими истоками связаны с Конвенцией ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года.

Особо тесные взаимосвязи отечественного гражданского права характерны для отношений с гражданско-правовыми системами государств, принадлежащих к романо-германской группе (правовой семье). Благодаря этому в российском частном праве появились институты – брачный договор, наследственный договор, единый недвижимый комплекс и мн. др.

Тесная взаимосвязь российского гражданского права с одноименными национальными правовыми образованиями зарубежных государств осуществляется также посредством норм, юридических категорий и конструкций, имеющих универсальный (общий) характер, сосредоточенных в разделах: «общие положения», «право собственности и другие вещные права», «общая часть обязательственного права» и других структурных образованиях Гражданского кодекса РФ (конструкции правоспособности (правосубъектности), гражданско-правового обязательства, его отдельных видов, гражданско-правовой ответственности, виндикационного, негаторного исков и т. д.). Аналогичные нормы, юридические конструкции в силу их общего (универсального) характера имеются практически во всех национальных гражданско-правовых системах.

Конечно, такие общие (универсальные) нормы и юридические конструкции, будучи частью системы российского гражданского права, действуют во взаимосвязях с зарубеж-

ными гражданскими правовыми порядками не сами по себе, не изолированно, а как элементы (части) единого целого нормативного образования – содержания гражданского права. Здесь, можно сказать, проявляется закономерность диалектического единства категорий: «общего» («целого») – целостная система гражданского права; «единичного» – отдельные общие (универсальные) нормы и конструкции гражданского права; и «особенного» – конкретные связи и отношения общих (универсальных) норм и конструкций российского гражданского права с аналогичными элементами зарубежных гражданско-правовых систем. При этом чаще всего такое взаимодействие осуществляется на уровне правового регулирования внешнеэкономической деятельности российских субъектов предпринимательства, а также некоторых иных социальных сфер. В этой связи достаточно обратить внимание на то, что в Гражданском кодексе имеется раздел VI «Международное частное право», в котором определено право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных лиц или гражданско-правовым отношениям, осложненным иным иностранным элементом.

2. Основные направления интернализации российского гражданского права

Тенденция интернализации гражданского (частного) права проявляется в двух основных направлениях – унификации правовых норм (правил) и гармонизации правовых установлений.

Унификация, как одна из форм сближения правовых систем, предполагает создание единых по содержанию норм, устанавливающих одинаковые для соответствующих субъектов правила (требования) в той или иной области правового регулирования связей между различными национально-правовыми системами.

По мысли Б. М. Гонгало, со ссылками на В. Д. Перевалова и С. С. Алексеева: «Цель унификации правовых норм только одна – стереть все явные и неявные различия между правовыми порядками различных государств, сблизить эти правовые порядки до степени полного их совпадения. В таких условиях становится практически невозможным сохранить самобытность правовой системы и защитить национальные интересы государства» [8, с. 7–8]. И далее:

«Несмотря на максимальное сближение правовых систем отдельных стран, тем не менее, сегодня создание единого всемирного экономического пространства ...представляется невозможным в силу существенных отличий в правовых системах государств» [23, с. 7–8].

Несколько менее категорично, говоря об основной задаче сближения национальных правовых систем, говорит С. В. Бахин, полагаящий, что в качестве такой задачи преследуется «...создание, введение в действие посредством международно-правовых механизмов и обеспечение применения сходных или идентичных правовых предписаний, обеспечивающих стирание различий в правовой регламентации отношений определенного рода» [3, с. 19].

В связи с вышеотмеченным представляется необходимым обратить внимание на следующее.

Во-первых, представляется, вряд ли корректно говорить о цели унификации как преследующей «стереть все явные и неявные различия между правовыми порядками», сблизить их «до степени полного их совпадения» и т. д. На практике чаще всего речь идет всего лишь об унификации правового регулирования отдельных сторон (аспектов) тех или иных отношений организационно-технического, экономического характера. Так, например, в порядке унификации технических требований Советом Евразийской экономической комиссии было принято решение от 30 января 2020 г. № 10 «О единых методах определения сортовых качеств семян сельскохозяйственных растений в рамках Евразийского экономического союза», которое действует с 1 января 2021 г.

Во-вторых, что касается такой задачи, стоящей перед унификацией, как «стирание различий в правовой регламентации отношений», то, думается, об этом можно говорить лишь в достаточно относительной форме, ибо национальные правовые системы государств формируются и эволюционируют под воздействием множества различных факторов и условий как объективного (национальные, исторические, экономические, социально-культурные, политико-правовые и иные обстоятельства), так и субъективного порядка и, следовательно, между ними никогда не может быть отношений «абсолютного тождества»; всегда будут иметь место правовые элементы, отражающие те или иные национальные и другие особенности в

правовом регулировании как внутренних, так и внешних экономических отношений. В связи с этим примечательным является замечание, высказанное в свое время Ф. Энгельсом, о том, что хотя экономика определяет в конечном счете правовые формы и институты, «но только с этой точки зрения трудно было бы доказать, что абсолютная свобода завещаний в Англии и сильное ее ограничение во Франции объясняются во всех частностях только экономическими причинами» [18, с. 418].

В качестве второго, более широко распространенного на практике, направления осуществления тенденции интернализации гражданского права выступает его гармонизация, прежде всего, с системами права, входящими в романо-германскую группу (семью).

К сожалению, категория «гармонизация права», в том числе гражданского права, как за рубежом [46, pp. 364–365, 391–392, 399], так и в отечественной литературе не получила однозначной интерпретации, несмотря на ее достаточно широкое использование как в международно-правовых документах, так и в литературных источниках по правоведению. В частности, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1966 г. по созданию Комиссии по международному торговому праву (ЮНСИТРАЛ) указано, что она учреждается с целью содействия «прогрессирующей гармонизации и унификации права международной торговли» [32, с. 8]. В свое время известный венгерский правовед G. Eorsi определял «гармонию» как результат определенного развития права, называя само развитие сближением права [46, р. 364].

Конечно, процесс гармонизации отнюдь не ограничивается указанной выше областью гражданских отношений, но распространяется и на многие иные сферы взаимоотношений с участием различных национальных гражданско-правовых систем. Так, в настоящее время процесс гармонизации национальных правовых систем европейских стран достаточно активно развивается в рамках совершенствования экономического права Европейского Союза, стран Евразийского экономического союза и других экономических объединений государств.

3. Значение категории «гармонизация гражданского права».

Итак, в чем же заключается смысловое значение категории «гармонизация гражданского права»?

Прежде всего необходимо заметить, что в Римском договоре 1957 г. употребляются несколько близких по значению терминов – «координация» (ст. 56–57), «сближение» и «гармонизация» законодательств государств-членов Европейского Союза (ЕС). Термин «сближение» относился к нормам, непосредственно воздействующим на становление и функционирование в целом Общего рынка, а термин «гармонизация» ранее упоминался только в отношении налогового права (ст. 99 Договора об учреждении ЕЭС). В настоящее время в доктрине в отношении вопросов, касающихся формирования и функционирования внутреннего рынка ЕС, термины «сближение» и «гармонизация» законодательства употребляются обычно как синонимы [45, с. 37; 47, р. 44]. Поскольку проблема различий смыслового значения каждой из вышеупомянутых категорий требует отдельного исследования, то в рамках данной статьи только заметим, что термины «координация» и «сближение» законодательств разных государств имеют более общее значение по отношению к термину «гармонизация», а это не исключает и других подходов – в зависимости от тех целей, для которых используются данные термины.

В конце советского периода авторами коллективной монографии «Советское и иностранное гражданское право. (Проблемы взаимодействия и развития)» было высказано соображение, в соответствии с которым «гармонизация гражданского права» интерпретируется в двух аспектах. Один из них обозначен как «статический», когда под «гармонизацией» понимается «определенное состояние национальных систем гражданского права, оцениваемое с позиций их взаимосочетания (общего, группового, двустороннего). Она определяет возможность использования государствами существующих в них норм и отдельных правовых институтов для решения каких-либо общих интересующих их проблем: применения национального права к иностранцам, регулирования деятельности совместных предприятий, обеспечения дву- и многосторонней торговли и т. д.» [32, с. 8].

Другой (более широкий) аспект «гармонизации права» – «динамический», когда «центр тяжести» переносится «на процесс развития права в каждом государстве, осуществляемый в направлении сближения национальных правовых систем» [32, с. 9].

Исходя из отмеченного авторами вышеназванной коллективной монографии было сформулировано определение, в соответствии с которым «под гармонизацией гражданского права следует понимать процесс развития национального права в отдельных государствах мира в направлении его сближения с национальными системами гражданского права, существующими в других государствах» [32, с. 9].

В целом приведенное определение представляется приемлемым, однако нуждающимся в некоторых уточнениях.

Во-первых, следует иметь в виду, что гармонизация является лишь одной из форм сближения правовых систем различных национальных государств. Так, если компетентным органом экономического объединения государств принят унифицирующий акт, например технический регламент по стандартизации, устанавливающий единые требования к методу проверки значений показателей качества какого-либо пищевого продукта, то это тоже можно рассматривать как некоторое сближение, хотя и в небольшой мере, разных национально-государственных правовых систем в сфере их взаимодействия.

Во-вторых, гармонизация гражданского права осуществляется как путем принятия национальными государствами односторонних актов (действий) законодательства, в которых учитывается положительный правовой опыт других государств, так и на основе межгосударственных дву- или многосторонних соглашений (договоров) (межправительственных, межведомственных и т. п.), когда вырабатываются и принимаются какие-либо общие взаимоприемлемые нормы (правила, требования) в области гражданских внешнеэкономических и иных отношений.

В-третьих, необходимо учитывать и то, что в европейской практике законодательство Европейского Союза предоставлена возможность выбирать степень гармонизации законопорядка в определенной области внутреннего рынка и, исходя из этого, выделяются: «полная, или ис-

черпывающая, гармонизация; дополнительная, или необязательная, гармонизация; частичная гармонизация; минимальная гармонизация; возвратная гармонизация» [45, с. 49].

С учетом вышеотмеченного представляется возможным сформулировать следующее определение: гармонизация гражданского права – это одна из форм сближения национальных гражданско-правовых систем государств, осуществляемая на основе односторонних или многосторонних (межгосударственных соглашений) действий национальных государств, отражающая степень их сближения и направленная на установление, введение в действие и применение близких (сходных) норм (правил, требований), регулирующих определенную область гражданских отношений во взаимодействии различных национальных правовых систем.

4. Формы проявления «интернализации» российского гражданского права

В качестве одной из важных внешних форм проявления «интернализации» современного российского гражданского права выступает то, что в его содержании появляется много норм (правил), юридических категорий, конструкций – франчайзинг, факторинг, каршеринг, эксроу, экваринг, краудфандинг, «дью дилидженс», лизинг (финансовая аренда) и т. д., – взятых из зарубежных законопорядков. Само по себе такое терминологическое «заимствование» обусловлено, прежде всего, закономерными процессами экономического, социально-культурного, политико-правового и иного взаимодействия государств, хозяйствующих субъектов, их объединений, относящихся к различным национальным законопорядкам и разным правовым системам – романо-германской, англосаксонской и др. Немаловажную роль в процессе такого терминологического «заимствования» играют и внутренние потребности развития национальных правовых систем.

Однако в связи с этим представляется необходимым обратить внимание на следующее.

Во-первых, имплементация в российскую правовую систему либо в такую ее важную часть, как гражданско-правовая система, в ряде случаев сопряжена в той или иной степени с искажением лингвистического смысла, который придается термину в той правовой системе, из которой он заимствован. Так, например,

термин «факторинг» в российском гражданском правовом порядке (ст. 824 ГК РФ) позаимствован российским законодателем из англосаксонской правовой системы, где *factoring* означает разновидность агентирования и соответственно *factor* – имплицитно понимается как финансовый агент, комиссионер. Однако в российском Гражданском кодексе факторинг означает финансирование под уступку финансовому агенту (фактору) денежного требования клиента к третьему лицу (должнику) и оплату фактору оказанных им услуг.

Таким образом, английский термин *factoring* и русскоязычный аналог «финансирование под уступку денежного требования» являются соотносимыми понятиями, но, строго говоря, не идентичными, и лишь весьма условно могут восприниматься как синонимичные термины [10, с. 507].

Аналогично в российском гражданском законодательстве используется и такой термин, как форфейтинг (англ. *forfeit* – перевод на финансового агента (покупателя векселя – форфейтера) прав по векселю [42, с. 231–232]. Однако «форфейтер» в английском правовом порядке и «финансовый агент (фактор)» в соответствии со статьей 824 Гражданского кодекса РФ – термины в содержательном аспекте не равнозначные.

В этом контексте обращает на себя внимание также и то, что в российской цивилистической теории до сих пор дискутируется вопрос, касающийся юридической природы используемой в отечественном гражданском правовом порядке зарубежной юридической конструкции – финансовая аренда (лизинг), которая интерпретируется и как разновидность обычного договора аренды, и как комплексный договор, и как отдельный, самостоятельный договорный тип.

Из вышеотмеченного следует, что для выяснения подлинно научного значения заимствованного в российской правовой системе иностранного юридического термина (конструкции) необходимо выявить его этимологию, лексическое значение, придаваемое ему не только в российском, но также и в соответствующем иностранном национальном правовом порядке.

Во-вторых, необходимо также учитывать, что в гражданско-правовой системе, равно как и в других сегментах российской правовой системы, следует различать, как минимум, три вида категорий: 1) исконно присущие данной подсистеме, «генетически» связанные с ней

категории, выражающие ее субстанциональную природу; 2) ассоциированные категории – заимствованные из других правовых систем и не утратившие с ними полностью связь, однако приобретшие в процессе длительного использования (применения) определенное смысловое значение в правовой системе – рецепиенте; 3) консолидированные категории – полностью сохраняющие свою исконную («первородную») «генетическую» связь со своей родовой («материнской») правовой системой и используемые в иной национальной правовой системе в идентичном смысловом значении. С теоретико-методологических позиций это обстоятельство представляется важным при анализе интернациональных тенденций в развитии современного гражданского законодательства.

5. Гносеологические и онтологические основания «интернализации» российского гражданского права

В связи с вышеотмеченным возникает достаточно глубокая и в цивилистическом правоведении практически не разработанная проблема, касающаяся гносеологических (познавательных) и онтологических предельных оснований «интернализации» российского гражданского права. Иначе говоря, существуют ли такие предельные основания (рамки, критерии), за черту которых нельзя «переходить», не опасаясь того, что цивилистическая правовая система в результате чрезмерного заимствования из иностранных правовых порядков различных норм (правил, требований и т. д.) постепенно утратит свой национальный «колорит», свою субстанциональную сущность (природу), исторические традиции и самобытность? Исходя из этого в докладах Doing Business Всемирного банка цивилистические правовые традиции представлены «под вопрос» [40, с. 4].

Прежде всего необходимо заметить, что в современных условиях концепт идентичности является одним из наиболее употребляемых в системе гуманитарных наук, что обусловлено переориентацией научных интенций многих исследователей с проблемы изучения внешних социальных связей человека на раскрытие субъективной стороны взаимоотношений человека и социального мира. Подобная переориентация позволяет, в частности, понимать «внешнее социальное» как в определенной мере конструкцию «внутреннего социального» [38, с. 123].

С методологических позиций это можно рассматривать как артикулирование приоритета субъективно-деятельностного анализа над онтологическим, структурно-функциональным подходом.

В современном мире, в условиях жесткой борьбы идей, взглядов, мировоззрений, поиск ответов на современные вызовы, в том числе информационного характера, определение гражданско-правовой идентичности становится важным фактором развития цивилистической науки, законодательства, укрепления правопорядка, обеспечения охраны и защиты прав и законных интересов граждан и других субъектов, а в конечном счете – национальной безопасности.

Очевидно, позитивная интеграционная идентичность гражданского права, связывающая его прошлое, настоящее и будущее в единое цивилистическое историческое и культурно-правовое образование, способна обеспечить успешное его развитие, эффективное решение новых проблем в сфере правового регулирования экономики, отношений в бытовой сфере граждан. Равным образом, как и наоборот, некоторые деструктивные представления и идеи, высказываемые отдельными авторами в последнее время, когда выражаются интенции о структуре идентичности гражданского права, где нет места частной собственности (она заменяется на «коллективную», «общественную»), предпринимательской прибыли, отвергается конструкция юридического лица как «вредная» и противоречащая принципу справедливости и т. д., могут повлечь за собой не только проблемы аксиологического характера, но и практические трудности, связанные с необходимостью обеспечения повышения эффективности правового регулирования экономики, защитой прав и законных интересов субъектов предпринимательства и др.

6. Проблемы интерпретации идентичности российского гражданского права

Исследование проблемы идентичности гражданского права в современных условиях сопряжено с рядом трудностей, которые обусловлены как различными парадигмальными подходами к осмыслению самого феномена «право», так и различными взглядами и мировоззренческими позициями исследователей относительно субстанциональной сущности тако-

го явления, как гражданское (частное) право, а также понимания ключевой его характеристики – категории идентичности данного явления. Поэтому, прежде чем говорить о проблеме идентичности гражданского (частного) права, методологически представляется целесообразным хотя бы в общем виде коснуться интерпретации феномена идентичности, содержащейся в гуманитарных науках [38, с. 123–125].

В философии понятие «идентичность» осуществляется с широких позиций – в контексте соотношения категорий бытия и сознания. По мысли Э. Гуссерля, между реальным миром и сознанием находится «подлинная бездна смысла» [11, с. 115], что и создает простор для трансформации категории идентичности. Английский философ Д. Юм полагал, что изначально процесс конструирования идентичности «запускается» не «изнутри» субъекта, а «извне», из общества – посредством поддержания имени личности, ее репутации, славы [44, с. 297]. Имеется и такая точка зрения, согласно которой идентичность является результатом «само моделирования», иначе говоря, каждый человек сам может создавать свою идентичность [38, с. 123].

С учетом вышеотмеченного можно сказать, что в целом в ряде философских направлений – феноменология, антропология, социальная философия – категория идентичности трактуется как способность автономной личности, почти независимой от объективных условий ее существования (бытия), к творческому конструированию социальной, политической и иной реальности. Иначе говоря, та или иная идентичность – это не более того, как субъективный конструкт автономной личности, ее представлений, мыслительных операций, внутренних интенций и т. п.

В связи с этим представляется необходимым обратить внимание, по меньшей мере, на два момента.

Во-первых, вряд ли корректно говорить о такой крайней степени личной «автономности», которая у ряда авторов доходит вообще до проблематизации существования объективных условий жизни, реального бытия людей, при этом заявляется о первичности и несомненности «творческого конструирования» субъектом социальной реальности.

Во-вторых, безусловно, субъективные творческие способности лица играют очень важную

роль в конструировании той или иной социальной идентичности, вместе с тем нельзя полностью подвергать элиминированию и то обстоятельство, что на указанные творческие способности субъекта оказывают влияние объективные условия жизни людей, их бытие, что находит отражение и получает аксиологическую оценку в сознании человека и, таким образом, оказывает существенное влияние на содержание, форму и другие элементы творческого конструирования человеком социальной реальности.

Другим важным направлением в интерпретации феномена идентичности выступает социологическое его понимание, основоположником которого является известный социолог и философ Дж. Мид. Идентичность, считает данный автор, есть способность человека оценивать свое поведение как единое целое, обеспечивающее баланс внутри психологического и социального и выполняющее (идентичность) функцию адаптации человека, формирования единого образа личности, ее самостийности [1, с. 41].

Важное значение в понимании категории идентичности имеет знаменитый труд известных социологов П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания», где авторы в основу концепта идентичности положили феномен социализации; идентичность рассматривается через призму социального конструирования реальности. По мысли авторов, концепт идентичности появляется лишь в рамках конкретного общества и в контексте тесного взаимодействия социума и человека; в противном случае говорить об идентичности невозможно [4, с. 281].

Идентичность в концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана мыслится в контексте тесного взаимодействия индивида и социума, что способствует развитию способностей индивида, его идентичности и может в целом привести к трансформации социальной реальности, в качестве важного элемента которой он выступает [4, с. 282]. Таким образом, согласно социологической модели П. Бергера и Т. Лукмана идентичность не есть нечто объективно данное явление, а представляет собой результат социального конструирования реальности и как важнейший элемент субъективной реальности складывается в сознании человека в результате взаимодействия индивида и общества (социума).

В российской социологии обращается также внимание на то, что идентичность формируется под воздействием двух процессов: экстернализации индивида в социальном мире и интернализации последнего как объективной реальности [30, с. 6; 38, с. 125].

Отечественные социологи феномен идентичности определяют как чувство принадлежности к определенной общности (народу, стране) или определенной культуре (религиозной вере, общественному движению и т. п.) [36]; как заданная национальной картиной мира и национальной историей основная идея, которой живет общество в данную историческую эпоху, отвечающая на вопрос о том, в чем выражается сущность народа, нации, каковы ее место, роль и задачи в мировой истории, идеальные формы существования [9, с. 14–15]. При этом также обращается внимание на то, что сохранение и формирование идентичности основывается на поддерживаемых государством исторических, духовно-нравственных, культурных ценностях и традициях [9, с. 14–15].

В обобщенном виде можно отметить, что социологический концепт идентичности, кратко, сводится к тому, что существующая социальная реальность представляет собой объективированный мир субъективности. Основанная на доминирующем типе идентичности культура обуславливает набор и характер социальных институтов и структур, смысл и логика которых определяется не их объективным онтологическим статусом, не выполняемыми ими функциями, а выступает как результат рефлексии по поводу них в сознании индивидов, социальных групп. Именно эта рефлексия, усилия сознания индивидов, а в конечном счете идентичность создают социальный мир в том виде, в каком мы его воспринимаем [38, с. 125].

В связи с вышеотмеченным необходимо заметить, что в рамках социологического концепта идентичности, как представляется, слишком преувеличивается субъективная сторона (аспект) идентичности, когда утверждается, что весь существующий социальный мир, по существу, есть не более как «объективированный мир субъективности», а социальные институты, их структура и т. д. определяются не их объективным онтологическим статусом и выполняемыми ими функциями, а являются результатом рефлексии сознания индивидов,

которая и создает воспринимаемый нами социальный мир.

Думается, что при всей важности рефлексии сознания, интеллектуальных усилий индивидов, их групп и т. д. формирование, сохранение и развитие идентичности осуществляется на основе тесного взаимодействия и взаимовлияния большого комплекса разнообразных факторов и условий как объективного онтологического, так и субъективного («рефлексивно-го») характера.

Следует отметить и психологическую концепцию идентичности, основоположником которой выступает Э. Эриксон, предложивший интерпретировать идентичность как процесс, сконцентрированный во взаимодействии культуры и человека, принадлежащего к ней [43, с. 103]. По мысли автора, идентичность представляет собой сложную многоуровневую конструкцию и трактуется им не только как пространственное тождество личности самой себе, но и как преемственная во времени целостность – групповая и т. п. идентичность, формирование которой происходит в процессе становления двух идентичностей – индивидуальной и «более широкой» – социальной [43, с. 103]. В целом идентичность, по Э. Эриксону, – осознание личностью своей принадлежности к той или иной социальной группе в рамках социальных ролей, является важнейшим условием эффективного развития человека и показателем его психосоциального равновесия [43, с. 103].

Исходя из вышеотмеченных концепций идентичности представляется возможным сформулировать общее определение идентичности российского гражданского права, а также обратить внимание на ряд ее специфических особенностей (характеристик).

Идентичность российского гражданского права – это система (совокупность) идей, взглядов, представлений, интенций и других интеллектуальных моделей в сознании цивилистического научного сообщества, иных социальных групп, общества в целом, выражающих субстанциональные (сущностные) его особенности, формирующиеся и развивающиеся на основе взаимодействия отечественных исторических, духовно-культурных, экономических, политико-правовых и иных ценностей и традиций, способствующих обеспечению его целостности, гармоничного развития, эффективного выполнения его функций, целей и задач.

7. Концепт идентичности российского гражданского права

Среди специфических особенностей (характеристик), выражающих в совокупности концепт идентичности отечественного гражданского права, необходимо назвать следующие.

1. «Первопроходцы» в сфере гражданского (частного) права в XVII – XVIII вв. позиционировали его как специфическое явление правовой действительности, отличающееся от публично-правовых представлений. Так, уже в 1767 г. в Наказе Императрицы Екатерины II, данном комиссии «О сочинении проекта нового уложения», содержалось специальное указание «о выделении частных прав» [20].

В тот период осмысление идей частного права начиналось с изучения мыслей, воззрений, понятий западноевропейских (главным образом немецких) цивилистов, а также философских доктрин и теоретического правоведения. По словам известного дореволюционного цивилиста и теоретика права Г. Ф. Шершеневича, в то время «русские люди принуждены были ознакомиться с тем, что уже было сделано другими в течение того долгого времени, когда Россия спала глубоким сном в своей национальной обособленности» [41, с. 26], и поэтому «молодые русские силы находились под полным влиянием идей своих наставников» [41, с. 26].

Западноевропейские юридические понятия, взгляды и учения российские исследователи пытались «приложить» к отечественной частноправовой практике, осмыслить ее через «призму» зарубежных научных правовых идей, концептов, что порождало различного характера трудности и проблемы.

«Первопроходцы» в сфере частноправовой мысли в России – Г. Терлаич, В. Кукольник, Л. Цветаев, В. Вельяминов-Зернов и некоторые другие исследователи, опираясь на философские учения предприняли попытки идентификации начал отечественного гражданского (частного) права, его сущности, связей с другими явлениями социальной действительности. В частности, профессор Г. Терлаич свои мысли о гражданском (частном) праве изложил в сочинении «Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России, начертанное Григорием Терлаичем», изданном в 1810 г. в двух частях, первая из которых представляет собой, по существу, введе-

ние ко второй части, а вторая – изложение общих понятий гражданского (частного) права. Различая «частное право естественное» и «частное право гражданское», он пытался определить предмет того и другого: «Взаимные отношения частных людей, определяемые постижимостью всеобщего начала права, суть предметы частного права естественного. Взаимные отношения частных людей, определяемые положительными законами, суть предметы права частного гражданского» [35, с. 95].

Другой «первопроходец» на «ниве» зарождения отечественной цивилистической мысли в России, В. Кукольник, в своем сочинении «Начальные основания российского частного гражданского права», изданном в 1813-1815 гг., состоящем из двух частей (посвящены соответственно «теории гражданского права» и «практическому обряду судопроизводства») [15, с. 14], изложил представления, касающиеся общих начал гражданского частного права, а также некоторых его разделов, в частности о лицах, обязательственном праве, наследственном праве, которые применительно к тому времени носили достаточно содержательный характер. Данный труд В. Кукольника, как и иные сочинения его современников, тесно связан с учением школы естественного права.

По мысли В. Кукольника, содержание российского частного гражданского права составляют «взаимные отношения граждан между собой по их лицам и имуществам» [35, с. 5]; он также подметил тесную связь частного права с другими «вспомогательными» знаниями – историей, «науки логики», антропологии, психологии, физики, архитектуры и др., – «предметы которых суть вещи, составляющие имущество граждан» [35, с. 7].

Интересными и во многом поучительными в плане идентификации отечественного гражданского права в период его становления являются также мысли, высказанные В. Вельяминовым-Зерновым, который задолго предвосхитил идею, по поводу которой не утихают споры и в настоящее время: может ли быть объектом права собственности также право, или, иначе говоря, насколько корректна юридическая конструкция «право на право»: «...так как одни только вещи могут быть предметом собственности: права, обязательства и иски не входят в состав оной, и потому нельзя сказать (да и было

бы противно общему употреблению) – я имею собственность на вексельный долг, на ловлю зверей и тому подобное» [5, с. 25].

Таким образом, на заре становления отечественного гражданского права в качестве его идентифицирующих признаков (черт) выступали следующие.

Во-первых, гражданское право обозначалось в то же время и как частное право, т. е. не проводилось никаких различий между частным и гражданским правом, употреблялись эти слова в одном словосочетании.

Во-вторых, гражданское (частное) право на этапах его становления тесно связывалось с такими понятиями, как «частная собственность», «договор», «свобода», и мысленно «позиционировалось» как специфическое явление по отношению к публичным правам.

В-третьих, русские правоведы, стоявшие у истоков отечественной частноправовой мысли, во многом основывались в своих рассуждениях на философских, а также естественно-правовых идеях, взглядах, воззрениях, использовании различных методов познания частноправового «бытия» – философского, исторического, психологического. По замечанию А. Станиславского, «первый русский преподаватель права признавал уже необходимость всестороннего его изучения – потребность соединения методов философского, исторического и догматического» [33, с. 36].

В-четвертых, на воззрения первых русских правоведов серьезное влияние оказывали не только западноевропейские философские и естественно-правовые учения, но и доктрина римского частного права, что получило отражение, в частности, при изложении исследователями структуры российского гражданского (частного) права – учений о лицах, о вещах, об обязательствах.

В-пятых, только к началу первой половины XIX в. исследователи более отчетливо стали идентифицировать гражданское (частное) право как отдельную специфическую сферу правоведения, отличную от публичного права и имеющую свое особое содержание, структуру, предмет правового регулирования, цель и задачи, а следовательно, и требующую самостоятельного научного осмысления.

2. Начиная со второй половины XIX в. и вплоть до Октябрьской революции 1917 г. в

осмыслении отечественного гражданского права, его идентифицирующих особенностей стали занимать прочное место такие концепты, как частная собственность, договор, частноправовая свобода, равенство субъектов, что, без сомнения, можно рассматривать как своего рода «константы» названного феномена. Указанные идентифицирующие гражданское (частное) право атрибуты выражают его субстанциональную сущность, частноправовую природу, историческую преемственность; цивилистические отечественные традиции неразрывно взаимосвязаны, и отсутствие любого одного из них влечет элиминирование всего данного явления в целом.

Это обстоятельство необходимо иметь в виду, в частности, при обсуждении проблем идентификации гражданского права в советский период, когда авторами высказывались различные, вплоть до противоположных, суждения.

В связи с этим необходимо заметить, что, по существу, идентифицирующие частное право атрибуты не были характерны для гражданского права в советский период. Так, широко известно мнение В. И. Ленина, изложенное им в 1922 г. в письме к Д. И. Курскому «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики: «Мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное» [16, с. 398]. При этом тот факт, что при социализме признавались и существовали, помимо государственной, также личная собственность граждан, собственность кооперативно-колхозная, общественных организаций, которые рассматривались как разновидности социалистической формы собственности, конечно, не противоречил позиции В. И. Ленина.

Следовательно, в указанную эпоху вряд ли можно говорить и о другом идентифицирующем частное право критерии – частноправовой свободе, в исконном (первозданном) понимании этого феномена.

В советское время, особенно в начальный период, когда отсутствовало новое гражданское законодательство, старые гражданско-правовые формы «наполнялись» новым содержанием, постепенно вытесняя «буржуазное» частноправовое законодательство, заменяя его новым – социалистическим. По словам известного спе-

циалиста по хозяйственному праву А. Г. Гойхбарга, «советское государство не нуждается в гражданском праве, рассчитанном лишь на индивидуалистическое и анархическое частнособственническое хозяйство; на смену ему теперь приходит “социальное право” как право планомерно-целесообразной организации хозяйственной деятельности» [7, с. 112].

В более поздний период сомнительное отношение к возможности существования частного права в советское время выразил также известный специалист по римскому частному праву и советскому гражданскому праву И. Б. Новицкий, считавший, что в условиях социалистической национализации основных средств производства, отмены наследования частной капиталистической собственности, а также принятия ряда иных мер само существование частного права оказалось под вопросом [21, с. 25]. Позднее аналогичная мысль была высказана другим также известным правоведом С. С. Алексеевым [2, с. 239].

Таким образом, несмотря на то что в условиях социалистической системы хозяйствования использовался ряд юридических категорий, конструкций, отдельных моделей, формально напоминающих частноправовую терминологию («атрибутику»), отсутствие, по существу, идентифицирующих частное право критериев не позволяет говорить о частноправовой природе (частноправовой сущности) действовавшего в советский период гражданского права. И только в начале 90-х годов с принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г., указа Президента РФ от 7 июля 1994 г. № 1473 «О программе “Становление и развитие частного права в России”, части первой Гражданского кодекса РФ 1994 г., в которых вновь получили «прописку» основополагающие атрибуты частного права – частная собственность, частноправовая свобода, договор, равенство субъектов гражданских правоотношений, появилась возможность идентифицировать отечественное гражданское право как, в сущности, частное право.

3. Гражданское (частное) право нередко идентифицируется как «индивидуалистическое» право. Корни (истoki) такого концепта связаны с римской частноправовой традицией. По замечанию знаменитого римского юриста Д. Ульпиана, юриспруденция познает явления

частноправовой действительности, «клоняющиеся к пользе отдельных лиц (*ad singulorum utilitatem*)» [14, с. 97]. Развернутое содержание этой мысли получило отражение в высказывании известного советского специалиста по римскому частному праву профессора И. С. Перетерского, который обратил внимание на то, что «римское частное право является предельным выражением *индивидуализма* (курсив наш. – В. Б., М. С.) и наибольшей свободы правового самоопределения имущих слоев свободного населения... В центре частного права стоит единоличный субъект собственности, самостоятельно выступающий в обороте и единолично несущий ответственность за свои действия. Индивидуализм в римском частном праве – это индивидуализм домохозяина, рабовладельца, ведущего хозяйство и сталкивающегося на рынке с другими такими же хозяевами» [29, с. 6].

В дореволюционный период «индивидуалистическая» идея частного права получила развитие в высказываниях известного цивилиста и историка права профессора И. А. Покровского: «Каждый... в области гражданского права может действовать, исключительно руководствуясь своими собственными интересами и не заботясь об интересах других: эти последние должны заботиться о себе сами. Нужно только, чтобы осуществляющий свое право оставался в формальных границах последнего» [24, с. 113]. В другом месте этого сочинения И. А. Покровский обратил внимание на самую суть гражданского права, заметив, что «гражданское право исконно и по самой своей структуре было правом *отдельной, человеческой личности*, (курсив наш. – В. Б., М. С.), сферой ее свободы и самоопределения» [24, с. 309]. И более того, по мысли названного автора: «С ростом человеческой личности, с развитием индивидуального самосознания сфера субъективных прав растет, а вместе с тем раздвигаются пределы гражданского права, и все оно приобретает более и более индивидуалистический характер...» [24, с. 309].

В связи с «индивидуалистической» идентификацией частного права представляется необходимым обратить внимание на два момента.

Во-первых, современное гражданское (частное) право, как известно, по ряду направлений «генетически» связано с рецепцией римского («индивидуалистического») частного

права сначала в странах Западной Европы, а затем и в России. Поэтому не случайно идея «индивидуализма» частного права была воспринята многими цивилистами, что обусловлено достаточно глубокими историческими традициями.

Во-вторых, «индивидуалистическая» характеристика частного права нуждается в трансформации в контексте ее применения к современному отечественному гражданскому праву. Это объясняется тем, что специфические черты правовой системы, как правило, носят конкретно-исторический характер и отражают ее особенности применительно к определенному периоду времени соответствующей социально-экономической формации. По справедливому замечанию Н. С. Гамаюнова, частное право «отражает развитие индивидуализма и либерализма в рамках конкретного политического общества» [6].

Таким образом, можно заметить, что применительно к древнеримской эпохе «индивидуалистическая» интерпретация частного права представляется, безусловно, верной, однако в контексте современного понимания сущности гражданского (частного) права такая трактовка нуждается в ряде корректив.

Прежде всего, сама категория «индивидуализм» в трудах различных исследователей получает самые различные смысловые значения, в том числе в ряде случаев крайне негативные. Так, в психологии «индивидуализм» интерпретируется как «свойство личности, определяемое преобладанием целей деятельности, направленных на удовлетворение только личных потребностей своего “Я” при игнорировании общественных. Становясь свойством характера, индивидуализм определяет тип личности-индивидуалиста, нуждающегося в перевоспитании» [27, с. 264]. Еще более негативное суждение содержится в высказывании А. П. Семитко: «...индивидуализм – это антипод персонализма и его злейший враг» [31, с. 34]; говоря об оригинальных принципах, лежащих в основе построения общества личностей, автор в конечном счете призывает «отказаться от эгоцентризма, нарциссизма, индивидуализма» [31, с. 37].

Неоднозначно интерпретирует категорию «индивидуализм» Конт-Спонвиль: если отдельный индивид пытается поставить себя выше вида или общества, «то индивидуализм сле-

дует понимать, как эгоизм... Если же речь идет о любом индивидууме, точнее, о любом человеческом существе, то индивидуализм – другое, менее патетическое, название гуманизма» [25]. Такие известные ученые, как Ф. Хайек, К. Поппер и некоторые другие исследователи, будущее человечества связывают с укреплением и развитием духа индивидуализма [37, с. 21].

Поэтому в современных условиях концепт «индивидуализма» необходимо интерпретировать не в контексте негативных его восприятий некоторой частью общества как эгоизма, эгоцентризма, игнорирования общественных интересов и т. д., а через призму оценки личности как высшей ценности в правовой системе. В этой связи можно привести замечательную мысль о праве личности на индивидуальность, высказанную И. А. Покровским: «... на более высоких ступенях развития усиливается сознание самобытности и особенности каждой отдельной личности, и вместе с тем начинает чувствоваться потребность в праве на эту самобытность, в праве на индивидуальность... чем далее, тем определеннее наблюдается движение по пути охраны человеческой личности как таковой во всей совокупности ее индивидуальных интересов и особенностей» [17, с. 20].

В современных условиях развитие частноправовой действительности в целом идет в русле направления, в основе которого лежат индивидуалистические начала, соединенные с общественными и социальными ценностями, что создает возможность для обеспечения необходимого сочетания прав и свобод, законных интересов отдельной личности и общественных ценностей. Именно такой подход должен быть положен в основу методологии для разработки «индивидуалистической» философии современного гражданского (частного) права. Только в обществе, где «индивидуалистические» начала органически соединены с общественными ценностями и интересами, могут быть должным образом обеспечены и защищены права и свободы личности, их дальнейшее развитие и в целом благополучие современного социума.

8. Предмет и структурные особенности российского гражданского права

Важное место в системе идентификации гражданского (частного) права отводится пониманию его предмета и структурных особен-

ностей. Еще на заре становления в России цивилистической мысли исследователи, стоявшие у ее истоков, однозначно связывали гражданское (частное) право с регулированием имущественных отношений между индивидами как равными лицами. Так, Л. Цветаев, определяя «суть предмета гражданских законов», в частности, указывал на «имущества, их [людей] собственность составляющие, или вещи» [39, с. 65–66]. Другой представитель первой «цивилистической волны» в процессе зарождения частноправовой мысли в России В. Вельяминов-Зернов, рассуждая о гражданском (частном) праве, также концентрировал внимание на обязательствах «при перенесении» права собственности от одного лица к другому [5, с. 88].

С имущественными отношениями, основанными на равенстве их участников как важнейшей и главной части предмета гражданского права, идентифицировали его исследователи и во второй половине XIX в. – начале XX в. и в последующее время. Более того, по мысли одного из дореволюционного периода исследователя К. Д. Кавелина, «из теперешнего гражданского права должны быть исключены все юридические отношения личные, не переводимые на деньги, и перенесены в него из других отделов системы права разбросанные в ней теперь повсюду юридические отношения между лицами (в юридическом смысле) об имуществе или ценностях» [13, с. 673].

Иначе говоря, названный автор предлагал устранить из предмета гражданского права все личные неимущественные отношения и одновременно включить в него, помимо традиционных вещных и обязательственных отношений, также все иные имущественные отношения, связанные со взысканием налогов, уплатой сборов, податей, акцизов, штрафов и т. п., что, конечно, не было положительно воспринято научной общественностью и вызвало достаточно широкий отклик, а порой и острую критику таких соображений как противоречащих сущности и традициям гражданского (частного) права. Так, С. А. Муромцев в своей рецензии на книгу К. Д. Кавелина «Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству» указал, что современное ему гражданское право представляет собой именно частное право, *jus privatum*, и оно вовсе не есть, по выражению К. Д. Кавелина,

«обрывок римского права» [19, с. 13]. Несколько ниже, резюмируя свои замечания, С. А. Муромцев отметил: «Итак, надо думать, что группа отношений, собранная автором в один отдел (гражданское право. – М. С.), не представляет ничего отличительного... Следовательно, сходство податей и сборов с частными долгами... ничего не говорит за общую принадлежность их к какой-либо особой группе права...» [19, с. 14].

На разных этапах развития цивилистической мысли в России исследователи выделяли также и такой идентифицирующий критерий гражданского (частного) права, как его внутренняя структура – совокупность нормативно-правовых образований, составляющих его содержание и выражающих особенности и закономерности его построения (организации). Причем если на начальных этапах становления частного права в России авторы традиционно выделяли такие «главные части права Гражданского», как «право лиц», право вещей», «право личное» (обязательственное. – М. С.) [35, с. 95; 39, с. 42], то значительное позднее и в современных условиях структура гражданского права представляется, безусловно, как значительно более объемное и сложное его построение (организация).

Однако в настоящее время при всем многообразии последнего в структуре гражданского (частного) права традиционно сохраняются такие его «столпы», выражающие сущностные особенности данного феномена, как соответственно подраздел и разделы: «лица», «право собственности и другие вещные права», «обязательственное право», что отражает одну из важнейших «линий» преемственности в дальнейшем развитии частного права и осмыслении его идентичности.

Вместе с тем следует заметить, что в советской правовой доктрине были периоды, когда сначала во второй половине 1930-х годов, а затем в 60–70-е годы рядом авторов были приняты отчаянные попытки навязать в теории и на практике концепцию «двухсекторного» гражданского права, точнее, понимание гражданского права, которое мыслилось как средство правового регулирования «потребительских» отношений исключительно между гражданами, и отдельно выделялось и обособлялось «хозяйственное право», призванное регулировать хозяйственные отношения между социали-

стическими организациями, которые (попытки) были отвергнуты основной частью научного цивилистического сообщества и законодателем.

Однако в конце 1980-х–90-е годы хозяйственно-правовая концепция на почве становления в России рыночных условий хозяйствования вновь была возрождена, но уже под наименованием «предпринимательского права», которое мыслилось как отдельная, самостоятельная отрасль права, призванная регулировать исключительно все предпринимательские отношения, а собственно гражданское право должно было регулировать отношения, главным образом, между гражданами (не предпринимателями), что также не получило основной поддержки в цивилистической доктрине и законодательстве.

Указанная выше дихотомия в идентификации гражданского права, конечно, не основана на подлинных, действительно субстанциональных (сущностных) критериях гражданского права, носила, главным образом, «отпечаток» особенностей правового регулирования отношений социалистического хозяйствования и поэтому после 2000-х годов стала утрачивать свою актуальность и в настоящее время вряд ли заслуживает особого (отдельного) научного внимания.

9. Основные начала гражданского законодательства как важнейший идентифицирующий критерий гражданского права

В современных условиях в качестве важнейшего идентифицирующего гражданское право критерия (характеристики) исследователи рассматривают его основные начала (принципы). В статье 1 Гражданского кодекса РФ закреплены основные положения гражданского законодательства, в частности такие, как равенство участников гражданских правоотношений, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела и др. В данном случае по методическим соображениям не делается акцент на различиях таких юридических конструкций, как «основные начала гражданского законодательства» и «принципы гражданского права», а всего лишь обращается внимание на последние как важнейший критерий в идентификации концепта феномена гражданского права.

В целом конструкцию «принципы гражданского права» можно определить как совокупность исходных, основополагающих (ключевых) положений, закрепленных в соответствующих нормах права, а также выведенных из них фундаментальных идей, выражающих субстанциональные особенности частного права, его специфическое содержание, структуру, характер частноправового воздействия на составляющие его предмет общественные отношения.

Принципы гражданского права выражают важнейшие частноправовые положения и ценности, которые необходимы для адекватного познания его сущности, цели, задач, роли и места в системе отечественного права. По мысли И. А. Покровского: «... Всякий образованный человек, а тем более юрист, должен иметь всегда ясное представление о краеугольных принципах своего права, об отношении этих принципов к прошлому человека и к идеалам его будущего» [24, с. 3]. Цивилистическая наука, как отмечал И. А. Покровский, только в малой степени способствует выполнению задачи подготовки таких юристов. У современного юриста, по словам И. А. Покровского, «зачастую нет даже истинного понимания того, какое место занимает подлежащее его юридической оценке явление в системе гражданского строя: есть ли оно логическое последствие какого-либо из коренных принципов этого строя или же нечто извне пригнанное; есть ли оно отголосок старого или же первый проблеск чего-то грядущего» [24, с. 9–10].

В соответствии с положением статьи 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью; их признание, соблюдение и защита составляют обязанность государства. По большому счету правовое обеспечение, охрана и защита указанной высшей ценности охватывается целью практически любой отрасли отечественного права, однако в гражданском праве, его принципах эта идея получает особое воплощение – через принципы гражданского права в концентрированной форме закрепляются специфические, в отличие от публичных отраслей права, метод, приемы и способы воздействия, с помощью которых осуществляется обеспечение таких важнейших благ в частноправовой жизни человека, как равенство субъектов гражданско-правовых отношений, частноправовая свобода, в том числе в

договорной сфере, неприкосновенность собственности, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела и др. Принципы гражданского права в концентрированной форме выражают закономерности развития явлений частноправовой действительности, исторические, культурные частноправовые традиции и другие феномены, которые своими истоками («корнями») восходят к эпохе римского права.

Идейная и нормативная основа гражданско-правовых принципов формировалась исторически под воздействием как субъективных процессов – представлений, интерпретаций, идей частного права, так и факторов объективного характера – исторически сложившихся традиций и устоев, частноправовых интересов и ориентиров, правового опыта, в том числе в сфере правоприменительной практики. Частноправовые принципы и подходы к их формированию имеют важное значение при унификации и гармонизации современного частного права, о чем свидетельствуют, например, международные принципы УНИДРУА, используемые в практике международных коммерческих арбитражных судов, а во многих случаях – при создании моделей унификации норм частного права.

В силу такого важного свойства правовых принципов, как универсальность, они носят общий характер и их применение не связано с какими-либо единичными ситуациями или даже каким-то отдельным предметно-конкретным видом общественных отношений. В связи с этим принципы гражданского права создают основу для их восприятия как достаточно гибких правовых средств, которые позволяют соотносить происходящие современные изменения в гражданском праве, обусловленные процессами гармонизации и унификации его соответствующих элементов, с основополагающими идентифицирующими частное право концептами.

Принципы гражданского права, будучи концентрированными «извлечениями» из данной нормативной системы, ее исторических, культурных традиций, достижений научной мысли и практики, также подвержены эволюции, когда выявляются и закрепляются в законодательстве новые принципы, подвергаются «корректировке» действующие и т. д. Так, сравнительно недавно в статье 1 Гражданского кодекса РФ получил «прописку» принцип добросовестности. В связи с внесением изменений

в Конституцию РФ на основе закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» подлежит уточнению принцип о приоритете общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров перед отечественным (внутренним) гражданским законодательством (ст. 7 ГК РФ). Вместе с тем следует заметить, что указанный принцип в целом сохраняет свое действие и в настоящее время, за исключением случаев, когда соответствующие международные принципы и нормы, а также международные договоры противоречат Конституции РФ.

Дальнейшее развитие принципов гражданского права, увеличение их количества, «корректировки» в их интерпретации и т. д. порождают ряд гносеологических проблем, в том числе связанных с осмыслением их предельных эпистемологических (познавательных) оснований (имеются ли какие-либо пределы для дальнейшего расширения их круга), а также взаимодействием и соотношением между ними и т. д.

В целом можно сказать, что принципы права, в том числе и гражданского права, не могут (и не должны) «создаваться» исследователем, быть «плодом» его априорных, «метафизических» размышлений; они являются результатом научного осмысления соответствующих закономерностей, сущностных явлений частноправового «бытия». Поэтому принципы частного права, с одной стороны, в концентрированной форме выражают соответствующие его субстанциональные (сущностные) признаки (свойства), а с другой – выступают в качестве важнейших правовых средств (способов, инструментов) в системе методологии познания частноправовой действительности, идентификации частноправового «бытия».

Вот почему трудно согласиться, когда утверждается, что в восприятии понятия «гражданское право» и его принципов в широком, социальном, значении «нет тех “головоломных” проблем (нередко надуманных), которые сопутствуют тематике принципов в их объективном значении и чьим местом бытия названа правовая реальность. При таком формате восприятия гражданского права можно не рефлексировать на тип правопонимания и источник

вычленения или создания соответствующего принципа, которым руководствуется лицо...» [26, с. 15]. И далее: «...принципы гражданского права, столь необходимые в процессе его освоения, это иные (надо полагать, по отношению к принципам отрасли гражданского права. – М. С.) – ситуационно-практические формы обобщений, произвольные и субъективные, так как продиктованы логикой познавательного процесса» [26, с. 19].

По поводу последнего утверждения необходимо заметить, что, безусловно, методологические принципы познания гражданского права отличаются от принципов гражданского права как отрасли права. Однако в таком случае принципы, «столь необходимые в процессе его познания» (т. е. методологические принципы), нельзя именовать «принципами гражданского права» в отраслевом его значении, как это предложено в монографии [26].

Что же касается гносеологических оснований принципов частного права, то в качестве таковых, как представляется, должны выступать выявленные наукой субстанциональные (сущностные) признаки (черты), отражающие те или иные закономерности развития частноправовой действительности, выраженные в концентрированной форме в виде соответствующих принципов.

Исходя из этого можно заключить, что принципы частного права «не создаются» – они «рождаются» в виде осмысленного субъективным сознанием опыта частноправовой реальности в широком понимании этой категории и имеют важнейшее значение для идентификации концепта частного права, что в сопряжении с замечанием, сделанным в свое время французским методологом Гейницким, означает, что «главное основание всех наук заключается в уразумении принципов и стройном сочетании с ними известных выводов» [26, с. 19; 34, с. 182].

В связи с процессами достаточно широкого реформирования отечественного гражданского права, существенными изменениями, происходящими в его нормативном содержании, институциональной структуре, появлением множества новых категорий, юридических конструкций и т. д. возникает вопрос, касающийся необходимости обеспечения юридической идентичности современного гражданского права, т. е. о предельных основаниях указанных

преобразований, когда гражданское право может утратить свои исторические традиции, национальные особенности, «колорит» и превратиться в качественно иное нормативно-правовое образование.

10. Предельные основания сближения различных национальных правовых систем

При анализе современных процессов преобразований, гармонизации отечественного гражданского права с иными национальными гражданско-правовыми системами, нормами региональных экономических объединений и т. д. важнейшее значение приобретают вопросы, связанные с характером, объемом и предельными основаниями сближения различных национальных правовых систем, их норм и институтов. Конечно, здесь вряд ли с математической точностью могут быть разработаны и предложены какие-либо конкретные показатели, однозначные формулы и т. д., поскольку все должно оцениваться применительно к тому или иному периоду времени общественного развития с учетом множества различного рода факторов, обстоятельств и условий.

В общей форме можно лишь утверждать, что, во-первых, применительно к каждому отдельному национальному правопорядку гармонизация гражданского права имеет свои специфические предельные основания, границы (рамки).

Во-вторых, наиболее оптимальным направлением гармонизации отечественного гражданского права представляется такой вектор его эволюционного развития, при котором, с одной стороны, государство способно сохранить его национальную идентичность в контексте компаративного принципа Г. Ролена-Жекмена: «единство не должно уничтожать многообразие» [12, с. 198; 28, с. 177], а с другой – оно не должно оставаться в стороне от общемировых современных цивилистических тенденций, воспринимая лучшие достижения правовой мысли, при этом сохраняя свою частноправовую идентичность.

В-третьих, предпочтительными направлениями современного развития отечественного гражданского права представляются его общая гармонизация, когда речь идет о сближении норм и институтов в рамках правового взаимодействия на уровне мирового сообщества государств, и «групповая» гармонизация, в рамках

которой правовое сближение национальных систем гражданского права осуществляется на уровне тех или иных региональных экономических объединений государств.

В-четвертых, в качестве предельных гносеологических оснований гармонизации и унификации российского гражданского (частного) права должны выступать такие концепты, как частная собственность, частноправовая свобода, гражданско-правовой договор, равенство субъектов частноправовых отношений, принципы гражданского права, закономерности развития частноправовой действительности, исторические, культурные и другие цивилистические отечественные традиции и устои. Серьезные отступления либо существенные «модификации» вышеназванных конституирующих идентификацию гражданского права понятий однозначно повлечет трансформацию данного феномена в качественно иное явление правовой действительности.

В-пятых, вышеуказанные, равно как и иные направления гармонизации должны осуществляться при непременном соблюдении такого важнейшего условия, как преемственность, под которой следует понимать необходимую связь между различными этапами (степеньями) развития гражданского права, с помощью которой обеспечивается сохранение соответствующих конституирующих его элементов в условиях современного преобразования данного феномена, выражающих его сущностные частноправовые характеристики (признаки, черты).

В указанном контексте, прежде всего, необходимо обеспечить преемственность новых нормативных, категориальных и иных образований в системе отечественного гражданского права с такими основополагающими, сущностными, идентифицирующими частное право критериями, как его основные начала (принципы), концепты частной собственности, частноправовой свободы, гражданско-правового договора и т. д. При этом, конечно, кроме вышеназванных субстанциональных концептов частного права должна быть обеспечена также преемственность, связанная с национальными цивилистическими традициями, цивилистической культурой, в том числе в сфере гражданского законодательства, толкования права, юридической техники и других достижений отечественной частноправовой мысли и практики.

Библиографический список

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. СПб.: Алетейя, 2000. 272 с.
2. *Алексеев С. С.* Философия права. М.: Норма, 1997. 336 с.
3. *Бахин С. В.* Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. 46 с.
4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Асадемия Центр; Медиум, 1995. 334 с.
5. *Вельяминов-Зернов В.* Опыт начертания российского гражданского частного права. Ч. 2: Право вещей. СПб.: Сенатская тип., 1815. 237 с.
6. *Гамаюнов Н. С.* Значение деления права на частное и публичное. URL: www.vuzLLib.ru/books/5.
7. *Гойхбарг А. Г.* Пролетарская революция и право. М., 1920. 112 с.
8. *Гонгало Б. М.* Проект доклада «Роль частного права в развитии мирового правопорядка» на Евразийском правовом конгрессе // Экспертная группа. Екатеринбург, 2017. С. 7–14.
9. *Горишков М. К.* Модернизационные идентичности (вместо предисловия) // Россия реформирующаяся. 2013. № 12. С. 3–20.
10. *Гражданское право.* Т. 2: учебник в 3-х т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ООО «ТК Велби», 2003. 848 с.
11. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. М.: Идея Пресс, 2001. 200 с.
12. *Захарова М. В.* Французская правовая система: теоретический анализ. М.: Проспект, 2014. 284 с.
13. *Кавелин К. Д.* Какое место занимает гражданское право в системе права вообще // Избранные произведения по гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. 721 с.
14. *Комиссарова Е. Г.* Влияние методологии на выбор методов исследования в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. ст. / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 89–108.
15. *Кукольник В.* Начальные основания российского частного гражданского права. СПб., 1815. Ч. 2. 291 с.
16. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 44. 725 с.
17. *Маковский А. Л.* Выпавшее звено: вступ. ст. к кн.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права // Основные проблемы частного права: сб. ст. М.: Статут, 2010. С. 14–44.
18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. 1967. Т. 37. 524 с.
19. *Муромцев С. А.* [Рецензия] // Критическое обозрение. 1879. № 18. Рец. на: Кавелин К. Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству.
20. *Наказ Императрицы Екатерины II,* данный комиссии о сочинении проекта нового уложения. 2-е изд. / пер. с нем. М., 1767. 407 с.
21. *Новицкий И. Б.* История советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1957. 327 с.
22. *Основные проблемы гражданского права.* 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. 354 с.
23. *Перевалов В. Д.* Взаимодействие правовых систем: теоретические аспекты // Рос. юрид. журнал. 2014. № 5. С. 7–14.
24. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. 354 с.
25. *Понятия и категории – Исторический Проект ХРОНОС /* WEB-ред. В. Румянцев. URL: ponjatija.ru/taxonomy/term.
26. *Принципы гражданского права и их реализация: монография /* под ред. Т. П. Подшивалова, Г. С. Демидовой. М.: Проспект, 2017. 351 с.
27. *Психолого-педагогический словарь /* сост. Е. С. Рапацевич. Минск, 2006. 925 с.
28. *Реннекамф Н. К.* О современной обработке сравнительного правоведения // Заря. 1869. № 3. С. 177–190.
29. *Римское частное право: учебник /* под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. М., 2005. 560 с.
30. *Санина А. Г.* Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 3–11.
31. *Семитко А. П.* Право, личность, права человека: энцикл. словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. М.: Норма–Инфра–М, 2016. 654 с.
32. *Советское и иностранное гражданское право. (Проблемы взаимодействия и развития) /* В. В. Безбах (СССР), Г. Блей (ГДР), В. Кнапп

(ЧССР) [и др.]; отв. ред. В. П. Мозолин. М.: Наука, 1989. 336 с.

33. Станиславский А. О ходе законовещения в России. Казань: Тип. ун-та, 1853. 71 с.

34. Стоянов А. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. Харьков: Тип. Чеховскаго и Зарина, 1862. 304 с.

35. Терлаич Г. Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России, начертанное профессором Григорием Терлаичем. СПб., 1810. Ч. 1. 111 с.

36. Тишкова В. А. Старые и новые идентичности. URL: http://www.valerytishov.ru/cnini/nauchnaya_obrazy_rossii/starie_novie_i.html.

37. Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011. 394 с.

38. Хачатрян Л. В. Основные подходы к осмыслению феномена идентичности // Манускрипт. 2019. Т. 12, вып. 7. С. 123–126.

39. Цветаев Л. Начертание теории законов. М., 1810. 82 с.

40. Цивилистические правовые традиции под вопросом (по поводу докладов Doing Business Всемирного банка) / Ф. Барьер [и др.]; пер. с фр. А. Грядова. М.: Волтерс Клувер, 2007. 184 с.

41. Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. М.: Статут, 2003. 250 с.

42. Шмиттгофф К. Экспорт: право и практика международной торговли. М.: Юрид. лит., 1993. 511 с.

43. Эрикссон Э. Детство и общество / пер. с англ. Обнинск, 1993. 589 с.

44. Юм Д. О человеческой природе. СПб.: Азбука, 2001. 314 с.

45. Юмашев Ю. М., Постникова Е. В. Экономическое право Европейского Союза: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 382 с.

46. Eörsi G. Comparative civil (private) law. Budapest, 1979.

47. Weatherill S. Cases and Materials on EU Law. New York: Oxford University Press, 2012. 645 p.

References

1. Abels H. *Interaktsiya, identichnost', prezentatsiya* [Interaction, Identity, Presentation]. St. Petersburg, 2000. 272 p. (In Russ.).

2. Alekseev S. S. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, 1997. 336 p. (In Russ.).

3. Bakhin S. V. *Sotrudnichestvo gosudarstv po sblizheniyu natsional'nykh pravovykh sistem: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Cooperation of States on the Convergence of National Legal Systems: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. St. Petersburg, 2003. 46 p. (In Russ.).

4. Berger P., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Transl. from Eng. by E. Rutkevich. Moscow, 1995. 334 p. (In Russ.).

5. Vel'yaminov-Zernov V. *Opyt nachertaniya rossiyskogo grazhdanskogo chastnogo prava* [Experience of Developing Russian Civil Private Law]. St. Petersburg, 1815. Vol. 2. *Pravo veshhey* [Law of Things]. 237 p. (In Russ.).

6. Gamayunov N. S. *Znachenie deleniya prava na chastnoe i publichnoe* [Importance of the Division of Law into Private and Public]. Available at: www.vuzLib.ru/books/5. (In Russ.).

7. Goykhbarg A. G. *Proletarskaya revolyutsiya i pravo* [Proletarian Revolution and Law]. Moscow, 1920. 112 p. (In Russ.).

8. Gongalo B. M. *Proekt doklada: «Rol' chastnogo prava v razvitiy mirovogo pravoporyadka» na Evraziyskom pravovom kongresse* [Draft Report 'The Role of Private Law in the Development of the World Legal Order' at the Eurasian Legal Congress]. *Ekspertnaya gruppа* – Expert Group. Ekaterinburg, 2017. Pp. 7–14. (In Russ.).

9. Gorshkov M. K. *Modernizatsionnye identichnosti (vmesto predisloviya)* [Modernization Identities (Instead of the Preface)]. *Rossiya reformiruyushhayasya* – Reforming Russia. 2013. Issue 12. Pp. 3–20. (In Russ.).

10. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik* [Civil Law: Textbook: in 3 vols.] 4th ed., revised and expanded; ed. by A. P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy. Moscow, 2003. Vol. 2. 848 p. (In Russ.).

11. Husserl E. *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations]. Moscow, 2001. 200 p. (In Russ.).

12. Zakharova M. V. *Frantsuzskaya pravovaya sistema: teoreticheskiy analiz* [French Legal System: Theoretical Analysis]. Moscow, 2014. 284 p. (In Russ.).

13. Kavelin K. D. *Kakoe mesto zanimaet grazhdanskoe pravo v sisteme prava voobshhe* [The Place of Civil Law in the System of Law in General]. *Izbrannye proizvedeniya po grazhdans-*

komu pravu [Selected Works on Civil Law]. Moscow, 2003. 721 p. (In Russ.).

14. Komissarova E. G. *Vliyanie metodologii na vybor metodov issledovaniya v tsivilistike* [Influence of Methodology on the Choice of Research Methods in Civil Law]. *Metodologicheskie problemy tsivilisticheskikh issledovaniy: sbornik nauch. statey* [Methodological Problems of Civil Studies: Collection of Scientific Articles]. Ed. by A. V. Gabov, V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow, 2016. Pp. 89–108. (In Russ.).

15. Kukol'nik V. *Nachal'nye osnovaniya rossiyskogo chastnogo grazhdanskogo prava* [The Initial Foundations of Russian Private Civil Law]. St. Petersburg, 1815. Vol. 2. 291 p. (In Russ.).

16. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow, 1969. Vol. 44. 725 p. (In Russ.).

17. Makovskiy A. L. *Vypavshee zveno / Vstupitel'naya stat'ya k knige I. A. Pokrovskogo «Osnovnye problemy grazhdanskogo prava»* [The Dropped Link. Introductory Article to the Book by I. A. Pokrovsky 'Basic Problems of Civil Law']. *Osnovnye problemy chastnogo prava: sbornik statey* [Basic Problems of Private Law: Collection of Articles]. Moscow, 2010. Pp. 14–44. (In Russ.).

18. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Moscow, 1967. Vol. 37. 588 p. (In Russ.).

19. Muromtsev S. A. *Retsenziya na knigu K. D. Kavelina «Prava i obyazannosti po imushchestvam i obyazatel'stvam v primenении k russkomu zakonodatel'stvu»* [Review of the Book by K. D. Kavelin 'Rights and Obligations on Property and Liabilities as Applied to Russian Legislation']. *Kriticheskoe obozrenie* – Critical Review. 1879. Issue 18. P. 13. (In Russ.).

20. *Nakaz Imperatritsy Ekateriny II, dannyi komissii o sochinenii proekta novogo ulozheniya*. [Order of the Empress Catherine II given to the Commission on Drafting a New Code]. 2nd ed.; transl. from German. Moscow, 1767. 407 p. (In Russ.).

21. Novitskiy I. B. *Istoriya sovetskogo grazhdanskogo prava* [History of Soviet Civil Law]. Moscow, 1957. 327 p. (In Russ.).

22. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava*. [Basic Problems of Civil Law]. 3rd ed., reprint. Moscow, 2001. 354 p. (In Russ.).

23. Perevalov V. D. *Vzaimodeystvie pravovykh sistem: teoreticheskie aspekty* [Interaction of Legal Systems: Theoretical Aspects]. *Rossiyskiy*

yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal. 2014. Issue 5. Pp. 7–14. (In Russ.).

24. Pokrovskiy I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava*. [Basic Problems of Civil Law]. 3rd ed., reprint. Moscow, 2001. 354 p. (In Russ.).

25. *Ponyatiya i kategorii – Istoricheskiy Proekt KhRONOS WEB-redaktor V. Rumyantsev* [Concepts and Categories – Historical Project CHRONOS WEB-editor V. Rumyantsev]. Available at: <http://www.ponjatija.ru/taxonomy/term>. (In Russ.).

26. *Printsipy grazhdanskogo prava i ikh realizatsiya: monografiya* [Principles of Civil Law and Their Implementation: Monograph]. Ed. by T. P. Podshivalov, G. S. Demidova. Moscow, 2017. 351 p. (In Russ.).

27. *Psikhologo-pedagogicheskiy slovar'* [Psychological and Pedagogical Dictionary]. Comp. by E. S. Rapatsevich. Minsk, 2006. 925 p. (In Russ.).

28. Rennekampf N. K. *O sovremennoy obrabotke sravnitel'nogo pravovedeniya* [On Current Processing of Comparative Jurisprudence]. *Zarya - Dawn*. 1869. Issue 3. Pp. 177–190. (In Russ.).

29. *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik* [Roman Private Law: Textbook]. Ed. by Prof. I. B. Novitskiy and Prof. I. S. Pereterskiy. Moscow, 2005. 695 p. (In Russ.).

30. Sanina A. G. *Genezis idei identichnosti v sotsiologii i smezhnykh naukakh* [Genesis of the Idea of Identity in Sociology and Related Sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* – Sociological Studies. 2014. Issue 12. Pp. 3–11. (In Russ.).

31. Semitko A. P. *Pravo, lichnost', prava cheloveka: entsiklopedicheskiy slovar'* [Law, Personality, Human Rights: Encyclopedic Dictionary]. Ed. by S. S. Alekseev. Moscow, 2016. 656 p. (In Russ.).

32. *Sovetskoe i inostrannoe grazhdanskoe pravo. Problemy vzaimodeystviya i razvitiya* [Soviet and Foreign Civil Law. Problems of Interaction and Development]. Ed. by V. P. Mozolin. Moscow, 1989. 336 p. (In Russ.).

33. Stanislavskiy A. *O khode zakonovedeniya v Rossii* [On the Course of Jurisprudence in Russia]. Kazan, 1853. 71 p. (In Russ.).

34. Stoyanov A. *Metody razrabotki polozhitel'nogo prava i obshchestvennoe znachenie yuristov ot glossatorov do kontsa XVIII stoletiya* [Methods of Developing of Positive Law and the Social Significance of Lawyers from Glossators to

the End of the 18th Century]. Kharkov, 1862. 304 p. (In Russ.).

35. *Terlaich G. Kratkoe rukovodstvo k sistematicheskomu poznaniyu grazhdanskogo chastnogo prava Rossii, nachertannoe professorom Grigoriem Terlaichem* [A Short Guide to the Systematic Cognition of Civil Private Law in Russia, prepared by Professor Grigory Terlaich]. St. Petersburg, 1810. Part 1. 111 p. (In Russ.).

36. *Tishkova V. A. Starye i novye identichnosti* [Old and New Identities]. Available at: http://www.valerytishov.ru/cnini/nauchnaya_obrazzy_rossii/starienoviei.html. (In Russ.).

37. *Hayek F. Individualizm i ekonomicheskiy poryadok* [Individualism and Economic Order]. Chelyabinsk, 2011. 394 p. (In Russ.).

38. *Khachatryan L. V. Osnovnye podkhody k osmysleniyu fenomena identichnosti* [Basic Approaches to Understanding the Phenomenon of Identity]. *Manuskript* – Manuscript. 2019. Vol. 12. Issue 7. Pp. 123–126. (In Russ.).

39. *Tsvetaev L. Nachertanie teorii zakonov* [Developing the Theory of Laws]. Moscow, 1810. 82 p. (In Russ.).

40. *Tsivilisticheskie pravovye traditsii pod voprosom (po povodu dokladov Doing Business Vsemirnogo banka)* [Civil Law Traditions in Ques-

tion (on 'Doing Business' Reports of the World Bank)] F. Barriere et al.; transl. from fr. by A. Gryadov. Moscow, 2007. 184 p. (In Russ.).

41. *Shershenevich G. F. Nauka grazhdanskogo prava v Rossii* [Science of Civil Law in Russia]. Moscow, 2003. 250 p. (In Russ.).

42. *Schmitthoff C. Eksport: pravo i praktika mezhduнародnoy trgovli* [Export: Law and Practice of International Trade]. Moscow, 1993. 511 p. (In Russ.).

43. *Erikson E. Detstvo i obshchestvo* [Childhood and Society]. Transl. from Eng.. Obninsk, 1993. 589 p. (In Russ.).

44. *Hume D. O chelovecheskoy prirode* [A Treatise of Human Nature]. St. Petersburg, 2001. 314 p. (In Russ.).

45. *Yumashev Yu. M. Ekonomicheskoe pravo Evropeyskogo Soyuza: monografiya* [Economic Law of the European Union: Monograph]. Yu. M. Yumashev, E. V. Postnikova. Moscow, 2015. 382 p. (In Russ.).

46. *Eörsi G. Comparative Civil (Private) Law*. Budapest, 1979. 651 p. (In Eng.).

47. *Harding Ch. Economic Freedom and Economic Rights: Direction, Significance and Ideology*. *European Law Journal*. Vol. 24. Issue 1. Pp. 21–35. (In Eng.).

Информация об авторах:

В. А. Бублик, доктор юридических наук, ректор, профессор кафедры предпринимательского права
Уральский государственный юридический университет
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
ORCID: 0000-0002-3952-574X
ResearcherID: J-2035-2016

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).35-46

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-286-297

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-705-737

М. Н. Семякин, доктор юридических наук, гл. научный сотрудник Управления научных исследований
Уральский государственный юридический университет
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
ORCID: 0000-0002-2694-7484
ResearcherID: V-2702-2019

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-705-737

About the authors:

V. A. Bublik

Ural State Law University
21, Komsomolskaya st., Ekaterinburg, 620137, Russia
ORCID: 0000-0002-3952-574X
ResearcherID: J-2035-2016

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).35-46

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-286-297

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-705-737

M. N. Semyakin

Ural State Law University
21, Komsomolskaya st., Ekaterinburg, 620137, Russia
ORCID: 0000-0002-2694-7484
ResearcherID: V-2702-2019

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-705-737